

Лайна лазурных слез

Павлова Ирина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павлова Ирина

Тайна лазурных слез

<https://litres.ru/74042926>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ее приговорили к смерти в миг рождения. Белая кожа, черные как смоль волосы и лед вместо сердца — дитя, рожденное под проклятой луной. Родной отец отдал приказ убить ее, не моргнув глазом, но лесная ведьма Нира пошла против воли людей и богов, забрав беспомощное дитя домой.

Целых шесть лет она скрывается среди мрачных деревьев леса, укрываясь от жестокого мира. В чаще леса лунная стая поджидает подходящего момента, а граф подозревает Ниру во лжи.

У Ведьмы уже давно нет пути назад. Секрет готов выплеснуться наружу, подобно бурному потоку весеннего разлива. Последняя надежда спасти дочь кроется там, где страх преследовал долгие годы. Надо вспомнить своё прошлое, чтобы сохранить будущее и наконец признаться самой себе, что тот, кто ожидал терпеливо и долго, способен стать надёжным союзником либо заклятым врагом.

Тёмное, насыщенное магией фэнтези о силе материнской любви и древних проклятиях, о судьбоносных выборах и той непомерной цене, которую приходится платить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тайна лазурных слез

Пролог

Тысячелетиями небесное светило наблюдало за людьми. Его взгляд был холодным, равнодушным, далёким — он давал влюблённым надежду на долгое счастье. Луна видела рождение и гибель империй, слышала звонкий, словно весенняя капель, смех детей, что сливался с горькими слезами матерей.

Однажды, созерцая ночную жизнь, её свет случайно упал на склон холма и осветил фигуру. Это был мужчина, развалившийся на траве. Он смотрел на луну, не отводя взгляда, и протягивал руку, будто хотел прикоснуться к ней.

Царица ночи задержала на нём луч и с любопытством наблюдала. В этот миг внутри неё шевельнулось волнение: ей показалось, будто он дотронулся до неё сквозь пропасть, отделяющую небо от земли.

Впервые луна сошла с неба бесшумно, словно её тянула вниз невидимая нить, оставив вместо себя на небе тысячулетнюю пустоту. Под тонкой кожей текла не кровь, а лунный свет, отчего тело оставалось безжизненно-холодным. Волосы — длинные и тяжёлые — струились до самой талии.

Лес стоял плотной стеной. Старые дубы с кривыми стволами будто пытались вырваться из-под власти земли, изги-

баясь и вытягивая кроны к небу. Корни ясеней, напротив, уходили в низ глубже людской памяти. Костёр горел в центре поляны, на небольшом возвышении, выложенном камнями. Языки пламени едва лизали толстые поленья, покрытые слоем пепла.

На поляне стоял не купец, не дворянин, даже не воин — это был обычный бродяга. Его тёмные, глубокие глаза смотрели вверх с тихой тоской, не вязавшейся с грубоватыми чертами. Тьма опустилась на землю тяжёлым грузом так незаметно, что это удивило мужчину. Он присел, почесал голову — русые, давно не знавшие ножниц волосы падали на плечи спутанными прядями.

Луна стояла за старым дубом, не сводя с него глаз. Бродяга гладил волка, подбрасывая сухую ветку в костёр. Время было позднее, он укрылся плащом и заснул. Девушка ловила каждое его движение.

После этого дня луна спускалась каждую ночь, чтобы несколько часов наблюдать за спящей душой. На улицах городов пахло тревогой. Сумрак поглощал всё вокруг в считанное мгновение. Люди боялись спать, чувствуя чьё-то присутствие. Кто-то говорил, что это упыри выходят на охоту, другие утверждали — близится вечный мрак, но никто не знал правды.

Дни проходили одинаково, но луна вдруг обнаружила, что не хочет возвращаться на одинокое небо, где её никто не ждал.

«Я — луна, а он — человек. Если я покажусь, он испугается или поклонится. Я не хочу поклонов. Я хочу...»

Ответ так и не пришёл — только желание чего-то недоступного, как жажда в засуху. Боги, наблюдая за происходящим, заметили странную мглу, спускающуюся на мир. Поняв, что луна покинула свой пост, Природа захотела насильно вернуть светило на небо, но у богов Политики и Воздаяния были свои планы.

Стоя за дубом, она слышала голос. Так близко, будто кто-то дышал в ухо:

— Ты можешь прятаться за деревьями вечно, но он состарится и умрёт. Его кости сгниют, а ты останешься одна смотреть на пустой холм. Или...

— Или что? Я не боюсь кары богов, — в голосе луны звучала уверенность.

— Заворожи его, — прошептал бог политики. — Всего на миг. Чтобы ты увидела, насколько люди падки и слабы. Что в этом плохого?

Девушка не знала, что такое «плохо». Вспоминая холод и пустоту, убивавшие её все эти годы, она поддалась соблазну и вышла из тени. Простое белое платье, напоминающее ночную сорочку, волочилось по земле. Босые ноги, наступавшие на острые ветки, не чувствовали боли.

Луна подошла к спящему мужчине, и волки, лежавшие рядом, подняли головы. Они были послушны и охраняли покой хозяина. Их спокойный взгляд пробирал до мурашек.

Луна опустилаcь на корточки, вглядываясь в тонкое лицо с высокими скулами. Бледные губы разомкнулись, но от страха девушка не могла произнести ни звука.

Собравшись с силами, она приподняла голову, и её облик стал более уверенным.

— Проснись, — тишину прервал дрожащий голос.

Бродяга проснулся и увидел перед собой удивительной красоты даму. Она, присев на корточки, протягивала трясущуюся руку к его груди. Луна взяла из горячего сердца тот свет, что переполняет мужчину с ног до головы, — ярко-жёлтый, будто само солнце опустилось в женскую ладонь. Мужчина не мог пошевелиться: мир вокруг, как и он сам, замер. Он мог только наблюдать за действиями прекрасной незнакомки, которая пробуждала тёплые чувства одним своим холодным, но пронизательным взглядом.

Луна, не спрашивая, взяла его душу в свои руки и перелила в него своё желание, тоску и тысячелетнюю пустоту, которую он случайно осветил.

— Люби меня.

И он полюбил...

Целый месяц луна слушала баллады о необъятной и сильной любви. Мужчина приносил цветы, лаская её слух тёплыми словами. Он никогда не спрашивал, откуда девушка взялась. Быть может, не мог. А может, не хотел?

Королева ночи смотрела в человеческие глаза и в отражении не видела себя. Магия затуманила светлый разум, пре-

вратив его в лунную марионетку. Очередной раз обратив на это внимание, когда возлюбленный спал, луна долго смотрела на его лицо, освещённое углями костра, и поняла: она не хотела забирать чужую волю. Она хотела испытать настоящую, неподдельную любовь, которая отпугивает безумные мысли.

Луна наклонилась и поцеловала мужчину в лоб — на этот раз с грустью и скорбью. С усилием, как выдёргивают корень из земли, она забрала обратно свою магию, прихватив тёплый человеческий свет. Девушка медленно развернулась и сделала шаг в сторону леса.

— Ты уходишь?

Голос за спиной прозвучал тихо и хрипло ото сна. Он приподнялся и смотрел на неё тем же тёплым взглядом, что и раньше.

— Я... — начала она и остановилась. — Я заморозила тебя. Заставила полюбить. Это неправильно.

— Знаю, — голос мужчины был глухим.

— Откуда?

— Я чувствовал. Всё это время. Что-то было не так. Я проснулся сегодня и подумал: «А что, если я люблю её не потому, что хочу, а потому, что она так решила?» — и испугался.

— Прости, — луна отвернулась, опустив голову и прикрыв лицо руками. — Я не умею... я никогда раньше...

— Я любил тебя и без магии.

Слова упали между ними. Бродяга протянул руки и вытер маленькую слезу, похожую на звезду, с её щеки.

В ту же секунду мир переломился. Воздух стал тяжёлым, как свинец, поднялся сильный ветер — и потушил огонь одним дуновением. Языки пламени замерли и рассыпались пеплом, оставив только холодные угли.

Туман перестал стелиться — он повис в воздухе неподвижными клочьями, будто кто-то вырвал время из мира. Волки, что спали у края поляны, разом подняли головы. Они отползли в сторону и поджали хвосты.

И тогда человек яростно закричал. В его голосе была слышна боль и страдания. Мужчина схватился за грудь, упав на колени, и его тело начало преображаться. Спина выгнулась дугой, а кожа на руках лопнула. Из разрывов полезла густая серебристая шерсть. Пальцы скрючились, а ногти почернели и вытянулись в когти. Лицо стало вытягиваться с ужасной болью, которою не переживёт ни один человек. Челюсть удлинилась, заполняясь новыми, острыми зубами.

Спустя несколько ударов сердца на земле стоял волк. Только глаза, те самые, что и прежде напоминали о его человечности. Из-за невыносимой боли его голос сорвался и растворился в воздухе, оставив только бесконечную, глухую тоску. В миг лес ожил и даже потухший огонь снова загорелся слабым пламенем.

Волк посмотрел на луну долгим взглядом и заметил в ее кулаке золотое сияние.

Молча развернувшись, он ушёл в лес, не оглядываясь. И только когда чёрная тень растворилась между стволами, из темноты донёсся протяжный, леденящий душу вой. Первый вой, на который мужчина решился.

Никто не знал имени человека, оставшегося навеки проклятым, но волку, который каждую ночь выходил на опушку и смотрел на яркую луну, дали имя — Рауль.

Молва ходила разная, и по сей день никто не знает, что пришлось пережить бродяге.

Луна больше никогда не спускалась на землю. Она осталась на небе — холодная, далёкая, но уже не равнодушная. Каждую осень она одаривала тёплым медовым светом, который дарил земле силу, людям — жизнь, а Раулю — спокойствие.

Но раз в двадцать лет её свет меняется, будто кто-то добавляет чёрной краски, и луч падает на случайную постель, освещая маленькую растущую жизнь внутри матери. Такие дети рождаются непохожими на других. Их кожа бела, как первый снег, а волосы черны, как безлунная ночь. В их глазах теплится мягкий свет, редко не гаснущий даже в темноте. Такие дети растут несчастными. Они тоскуют без причины, чувствуя в сердце пустоту — ту самую, что тысячелетия носила в себе луна.

Детские тела источают смертельный холод, отчего люди шепчутся о заразе, что идёт от их прикосновений. Стоило жителям отогнать стаю Рауля от своих домов, как в ночи на-

чиналась кровавая жатва: звери рвали скот, унося добычу в острых, как стекло, зубах.

Люди сразу понимают: ребёнок теперь принадлежит волкам, которые до последнего будут пытаться его забрать. Крайний возраст, отсчитанный в истории Астерии, — десять лет. Те, кто искал пропавших детей, находили только следы на снегу да сломанные ветки. Были и такие, кто отдавал младенцев волкам через месяц после рождения. Никто не хотел испытывать удачу: Рауль со своими серебряными волками был куда страшнее упырей, и народ просто боялся.

Но судьба не знает слова «всегда». И однажды — без грома, без знамений — круг разомкнулся.

Глава 1

Мир, в котором мы живём, держится на четырёх столпах.

Первый — Бог Природы. Он соткал леса, реки, зверей и смену времён. Дышит он — и становится ветер. Кровь прольёт — и реки текут. Тело его — сама земля, по которой мы ходим.

А второй... второй страшнее — Бог Политики. Он не поднимает меч — зачем? Словом можно сделать больше. И делает. Он шепчет королям законы. Советникам — интриги. Иногда — просто так, для удовольствия. Говорят, он любит тех, кто умеет ждать и льстить. Тех, кто наносит удар — не в спину, а так, чтобы никто не понял, откуда пришла смерть. У него есть любимчики. Их немного. Ему не молятся на поле боя — только в тишине кабинетов, за закрытыми дверьми, когда решается судьба империи.

Бог Торговли, чьё имя редко произносят вслух, но каждый день благодарят, сам того не зная, связал города дорогами, моря — кораблями, а сердца — монетами. Говорят, он не принимает сторону ни в одной войне, потому что обе стороны платят ему золотом.

Четвертый не плетет интриги, не ждет, не торгует и не создает. Бог Воздаяния не судит — он лишь возвращает. Каждое доброе дело возвращается удачей и счастьем. Каждый грех и каждое слово, сказанное в темноте, воздаётся тому,

кто его породил. Бог не справедлив и не жесток. К нему редко обращаются в молитве, так как он не дает то, что человек может взять сам. Люди вспоминают его имя, только когда уже нечего терять.

Этот мир был бы совершенен, если бы боги умели любить. Но ни одна божественная сила не испытывала этого чувства, считая его человеческой слабостью, которую боги не могли себе позволить.

Тогда появились четыре опоры, и одна из них Семья Кастр, получившая благословение бога торговли. Их золото течёт по империи как вода. Говорят, Бальтазар может купить всё, кроме собственной совести, а взять у него золото – все равно что войти в реку. По началу ты чувствуешь только весенний и приятный холодок. А когда понимаешь, что плыть уже не можешь, холод пробирает тебя насквозь и река поглощает с головой.

Девиз графа прост: «Весы не лгут». Но Бальтазар забыл, что они показывают не только вес золота, но и ценность поступков. Даже самых лукавых и беспристрастных.

В тот злополучный день дождь барабанил по массивным подоконникам, а ветер бросал большие капли в темные окна душного кабинета. Тяжелый воздух, пропитанный ладаном из кадилъницы, смешался с запахом табака и затхлого вина. На стене красовался герб, изображенный на тяжелой, как бремя графа, ткани. Символ, олицетворяющий мудрость и силу: два скрещённых меча над раскрытой книгой, по краям

которых расположены лавровые ветви — напоминал Бальтазару о своем долге. В углу на резной подставке стояли символ связи с богом торговли — золотые весы с почерневшими от времени чашами. Граф никогда не молился богу открыто, но весы всегда держал в поле зрения, хотя ими не пользовался. Он считал их обычным элементом интерьера. Или хотел так считать?

Бальтазар стоял прямо, как нерушимая крепость. Его худощавое тело скрывалось в тёмном рабочем костюме. На напряжённых скулах ходили желваки, но лицо не показывало эмоций, только прищур выдавал нервное состояние графа. Темно-зеленые, как тина на болоте, глаза смотрели куда-то в ночь. Вдали он увидел огромного волка, размером с взрослого медведя. Его серебристая шерсть переливалась в лунном свете, а коричневой полосой вдоль хребта, прокладывавалась как дорожка от головы, до самого кончика хвоста.

«Серебряный гончий? Только его здесь не хватало.»

Белые, как помутневший лед, глаза будто впились в него. Сквозь пелену мужчина ощутил, будто в его душу вторглись, поднимая со дна забытые страхи и тени прошлого. Граф медленно моргнул - и на месте гончего, осталось только покрытая лунной пылью трава.

«Показалось. Надо лечь сегодня раньше.»

Мавра ходила по кабинету и в каждом ее шаге читалось беспокойство. Ее пальцы теребили край шерстяной накидки, в спешке наброшенной поверх ночной сорочки. Медные

пряди растрепались, а гладкое овальное лицо, раскраснелось от криков и ярости. Девушка напоминала птицу, что бьётся о прутья клетки и желает вырваться наружу чтобы вздохнуть полной грудью.

— Почему ты молчишь? Ты не понимаешь, что она ребенок? — голос дрожал, срываясь на хрип.

Бальтазар не повернул головы, а лишь слегка прищурился.

— Она отмечена луной... Нужно отдать ее волкам и дело с концом. Она не выживет.

— Конечно выживет!

— И что после? — повернувшись, его презрительный взгляд осматривал девушку с головы до ног. — Будет жить здесь? Ты думаешь не найдутся дураки во круге, которые будут показывать пальцем и распускать слухи?

— Она же дитя! — Мавра сжала кулаки и по щеке скатилась первая слеза.

— Для людей она — чудовище, несущее болезни и страх. Для меня — обуза. — Оборвав нить своих мыслей, Бальтазар отошел от окна и взял со стола бокал дорогого вина, но пить не стал, будто желание угасло прежде, чем осуществилось. — Авигея не выживет. А если и выживет — будет только мешаться. От нее будут одни убытки. Никакой пользы. А еще... - мужчина на мгновение прервался, будто думал, стоит ли говорить. - Я никогда не смогу ее обнять.

— Ты думаешь я не прикасалась к ее холодному телу? Я касалась ее тысячу раз и все еще здесь. Жива и здорова!

Между ними повисла тяжелая тишина, которую нельзя разорвать ни самым громким криком, ни самым тихим шепотом.

— Баль, — девушка стала медленно подходить к мужу, протягивая трясущуюся руку, — Не забывай, прошу... Ты говоришь о своей дочери.

— Я говорю о том, что появилось в моём доме без моего желания.

Мавра замерла, высокомерно вскинув голову. Ее взгляд упал на старые весы, что уже давно не отражали свет.

— Ты не можешь просто выкинуть её...

— А я и не выкину. — Он поставил бокал. — Уедешь с ней. Подальше от моих глаз.

— Чтобы я пряталась до конца дней?

— Чтобы я не видел это каждый день. — Прищур Бальтазара был холоднее дождя за окном. — Ты мне не жена. И ребёнок этот — не мой.

Ощувив свою беспомощность, внутри Мавры все замерло. Слезы текли по щекам водопадом, но она их будто не замечала, пытаясь поймать хотя бы одну из тысячи мыслей, чтобы уговорить Бальтазара. Но он уже все решил:

— У тебя два дня, чтобы собраться. Я не хочу вас видеть в моем доме.

Бальтазар вышел из кабинета, оставив Мавру слушать нескончаемый дождь. Резкий хлопок двери, словно удар в пах, развеял материнскую надежду и любовь, как стаю диких

голубей.

В это время, в соседней комнате, тихо спала Авигея. Время, наполнявшее комнату спокойствием и нежностью, будто замерло вокруг нее. Маленькому комочку, от которого доносился едва уловимый запах лаванды и свежевыстиранного белья, был месяц от роду. Кожа ее была необычайно светлой, а волосы – темнее безлунной ночи. Свет, мягко падающий на ее лицо, подчёркивал маленькие небесно-голубые глазки. Авигея, сжимая крошечный кулачок, улыбалась во сне и из груди доносился почти неслышный вой. На тумбочке у люльки сверкала золотая брошь с маленьким тёмным камнем, который отражал лунный свет.

Два дня Мавра бродила по поместью словно тень, стараясь не обращать на себя внимание. Слуги, всю жизнь преданные графу, отводили глаза и прибавляли шагу, делая вид, что не видели ни ее, ни малышки. Бальтазар не удостоил ее даже взглядом, оставляя после себя только пустоту. Лишь старая горничная, та, что когда-то нянчила маленького Бальтазара, подошла на рассвете второго дня. Молча положив на комод узелок с сухарями и тёплыми пелёнками, она бросила кроткий взгляд и медленно ушла. Мавра сдерживала слезы, зная, что малейший звук из ее уст может вызвать неудержимый поток горя и рыдания.

Первые лучи не успели пробиться сквозь кромку деревьев, как небо затянуло серой пеленой. Над землей стелился липкий и густой туман, а ветер резал по лицу как осока. Двор

поместья казался вымершим — ни звука, ни движения, только вороны кружили над Маврой, будто присматривая добычу. Слуги складывали последние вещи в старую тёмно-зелёную карету с облупившейся краской. Её обычно использовали для хозяйственных нужд, что не очень нравилось Мавре, но выбора никто не давал.

Девушка всматривалась в старого кучера. Морщины его извивались по лицу, словно горные реки на старой карте, а руки дрожали, больше от возраста, чем от холода.

— Трогай, — голос девушки прозвучал тихо, почти безжизненно.

Карета качнулась и покатилась к воротам.

Лошади неспешно ступали, отбивая ритм, по булыжной мостовой, что сменялась вязкой глиняной дорогой, размокшей после трехдневных дождей. Мавра смотрела в маленькое запylённое окно и рассматривала поместье, что медленно уходило вдаль. Сначала исчезли острые шпили башен, а затем и старые, прохудившиеся крыши. Через мгновение, весь дом растворился в утренней дымке, и девушка оглянулась в его сторону с ненавистью, посеянной в ней за последние два дня.

Поместье уступило место бескрайним полям и лесам, раскинувшимся вдоль узкой дороги. Деревья сомкнулись над головой, лишь изредка давая солнечным лучам пробиться сквозь кроны. Воздух постепенно насыщался влагой и запахом прелых листьев, свежих грибов и уловимой ноткой ти-

ны. Карета скрипела на каждом ухабе.

Мавра, скованная страхом, почти не смотрела на дочь. Она боялась увидеть в крошечном личике отблески отцовских деспотических черт. Ее переполнял страх полюбить слишком сильно, до боли, и не защитить в нужный момент. Авигея спала, свернувшись маленьким холодным калачиком. Её фарфоровая кожа отливала белизной, а чёрные ресницы напоминали два тоненьких полумесяца. Время от времени из груди вырывался тот странный, едва уловимый звук, похожий на вой маленького и беззащитного волчонка.

Мавра осторожно погладила Авигею по голове и в материнском голосе слышала дрожь.

— Ты только не плачь. Всё будет хорошо.

Сама она в это не верила, а внутри нарастала тревога, сдавливающая грудь.

Кучер остановил лошадей у самой кромки леса, когда солнце поднялось уже высоко над горизонтом.

— Госпожа, надо передохнуть, — сказал он. — Лошади устали.

Мавра лишь молча кивнула, не выходя из кареты. Она достала сухарь и размочив его в воде, протянула Авигее. Та сморщила носик, но есть не стала.

— Долго ещё? — спросила Мавра.

— До ближайшей деревни часа три, — ответил кучер.

— Поехали дальше. Не хочу здесь задерживаться.

— Что-то не по себе мне здесь, госпожа...

Не успела Мавра спросить, что именно его беспокоит, как в этот же миг прямо перед каретой выросли три тени. Девушка смогла только разглядеть тёмные плащи. Их лица были скрыты под капюшонами. Лошади заржали, встав на дыбы, и тогда кучер закричал, но один из нападающих уже схватил поводья.

— Выходи, — раздался безразличный голос.

Мавра прижала Авигею к груди – самое дорогое, что может быть у матери и беспомощно закричала:

— Не трогайте нас! У меня нет денег!

— Деньги нам не нужны.

Дверца распахнулась, и грубая рука выдернула девушку наружу. Мавра упала на мокрую землю, но не выпустила ребёнка. Авигея проснулась и заплакала — громко, отчаянно, впервые в жизни.

— Отдай дитя. – в голосе громилы звучала надменная усмешка.

Мавра вскрикнула, пытаясь сопротивляться, но силы были явно не равны. Один из бандитов вырвал ребёнка и оттолкнул мать. Рука мавры, на которую она упиралась, соскользнула и с глухим, тошнотворным ударом головой девушка врезалась в колесо кареты, от чего тело безвольно обмякло. Один из нападавших нагнулся, и прислонив руку к носу девушки, нахмурился. «Вроде не дышит» - подумал он.

Переведя взгляд на ребёнка, которого держал его сообщник, он дотронулся лба и отдёргнул пальцы, словно ужален-

ный.

— Холодная, как лёд, — сказал он тихо. — Живая, но холодная.

— Забираем, — бросил тот, что держал ребёнка. — Быстрее. Мы опаздываем! А эту Гнёздики добьют.

Грязь смешалась с кровью и под головой Мавры земля быстро потемнела. Медленно, почти незаметно, из-под земли, начал выползать, размером с яблоко, паук. Маленькие падальщики как он высасывают кровь ртом-трубкой, которая спрятана за твердым наростом. Не имея головы, они ориентируются на угасающее тепло и запах крови. Отличает Гнёздиков от стервятников то, что они любят питаться еще не остывшей кровью.

Обнюхав умирающую девушку, он издал тонкий, почти не слышащий человеческому уху свист, на который стали выползать сородичи. Перебирая своими маленькими, неестественно длинными и тонкими лапками, как мухи над падалью, они подготавливали свой хобот к трапезе.

Авигея, прижатая к чужой груди, в мгновение затихла. Почувствовав запах железа и сырости, она словно поняла — матери больше нет. Третий головорез молчаливо и быстро шагнул к кучеру. В это время двое других уже растворили в чаше. Последнее что видел старик — только взмах блестящего клинка перед глазами.

Лес затих в мгновение, будто невидимая рука погасила все звуки: птицы замолчали, ветер замер и даже капли, падаю-

щие с деревьев, повисли в воздухе. На дороге стояла перекошенная карета, а рядом лежал старый кучер. Гнёздики уже начали подбираться и к нему, наслаждаясь пиром. Мавра — чуть поодаль, с открытыми глазами, в которых больше не горела жизнь.

В это время у старого дуба, чьи корни выступали из земли, образуя естественные уступы, женщина в темном плаще провела уже несколько часов. Ее взгляд был прикован к дороге, что вилась внизу, между деревьями. Лицо скрывал глубокий капюшон, и в скупом дневном свете невозможно было разглядеть ни черт, ни возраста. Босые ступни опирались на мохнатые корни. Со стороны она казалась заблудшей душой. Ее шепот, едва слышно, призывал к богу Воздаяния.

— Прости меня, за то, что вплетаю в свою жизнь чужую, не мной рожденную. За то, что нарушаю и без того хрупкое равновесие. Но ты же видишь... иначе никак.

Нира Лоренс. Ее имя знали не многие, а в мире людей её называли не иначе как «лесная ведьма». Для тех, кто внимал шепоту ветра и постигал тихий говор деревьев, она была целительницей, чьи пальцы знали силу трав и росы. В свои двадцать три года она знала больше, чем выдающийся лекарь. А те, кто видел лишь тень, скользящую меж стволов, считали ее степной гадюкой.

Из леса показались двое мужчин. Выглядели они опрятно, хоть их одежда несла на себе отпечаток долгого пути. Один насвистывал незамысловатую песню, радуясь успеш-

ному выполнению задания. Словно сбросив с себя тяжелое бремя, он шел налегке, оглядывался по сторонам с широкой улыбкой, предвкушая долгожданный отдых и щедрую награду. Его спутник был серьезен, бережно неся ребенка и боясь уронить. Двигаясь неторопливо, он будто просчитывал каждый свой шаг.

— Твоя взяла, — мужчина протянул ребенка

Не глядя на бандитов, Нира медленно перехватила маленькую холодную звездочку.

— Мать пришлось убрать. Кучера тоже.

— Это не ваша забота, — голос ее был резким. — Передайте графу, что мы сделали, что велели. Девка исчезла - и след простыл

В глазах мужчин читался гнев, который боролся со страхом. Никто не посмел возразить ведьме на ее дерзкие слова, так как перечить было подобно смерти. Без единого слова на прощание, мужчины поспешили скрыться между деревьев.

Нира приподняла край пеленки и заметила, что девочка тихо всхлипывала во сне. На её щеке, у самого уголка губ, застыла лазурная слеза, напоминающая кусочек утреннего неба, запертый в крошечной капле.

— Вот ты какая, дитя луны...

Она укутала малышку в свою шаль и прижав к сердцу пошла в чашу. Пошла туда, где среди старых дубов притаился маленький одинокий домик. Спрятанный от всех.

Так началась новая жизнь. И никто не знал, чем она за-

КОНЧИТСЯ.

Глава 2

Годы шли спокойно. Жаркое лето отдавало бразды правления прохладной осени. Зима приходила без предупреждения и долго отстаивала свое время, не уступая весне. Каждый сезон сменял друг друга, и весна все так же покорно уступала место пламенному лету.

После кончины Мавры не прошло и года, как Бальтазар сменил свой статус вдовца на семьянина, заключив союз с дочерью близкого приятеля своего отца. Молодая супруга долгое время не могла родить ребенка, что вызывало тревогу и разочарование. Общество настаивало на рождении наследника, и вот спустя четыре с лишним года Бальтазар снова почувствовал себя отцом. Граф приказал устроить большой праздник, выделив огромное количество средств.

Тем временем утро в лесу Старого Дуба, что находился недалеко от Линдена, начиналось тихо. Первые солнечные лучи коснулись верхушки старой, давно заброшенной мельницы с провалившейся крышей, что стояла на холме за лесом. Теплый утренний свет скользнул по покато́й стене, спустился к ручью и разбудил в нём золотые искры. Вода бежала по камням медленно, словно тоже только начинала бодрствовать. В кромке деревьев переливчато звенели птицы. Воздух был пропитан запахом мокрой коры, прошлогодних листьев и терпким ароматом можжевельника. Ни ветра.

Ни тревоги.

Лес жил своей неторопливой жизнью, а вместе с ним — лесная ведьма. Маленький домик, прижавшийся к кромке темного леса, будто затерялся во времени. Потускневшая черепица на крыше, протекала из-за сильных дождей, а деревянные стены годами пропитывались магией. Внешне дом выглядел обыденно, в то время как внутри царила атмосфера тепла и уюта.

Нира почти всю ночь не спала, размышляя, стоит ли везти дочь в город. Городской шум, людская суета и любопытствующие взгляды — всё то, что настораживало Ниру, не давая ей спокойно отдыхать. Но Авигея за свои шесть лет никогда не видела праздник. Она не знала, как звучат уличные музыканты и каковы на вкус праздничные блюда.

Нежный поцелуй в лоб разбудил маленькую Авигею. Открыв глаза, она встретила взглядом с Нирой, которая уже приготовила вкусный завтрак.

— Вставай, лежебока! Сегодня много дел.

Восторженно запрыгав от радости, Авигея принялась торопливо одеваться. На кровати уже лежали приготовленные вещи. Первым делом Нира надела на неё белую, свободную в плечах блузу с длинными рукавами и строгим стоячим воротничком. Рукава заканчивались милыми манжетами с маленькими деревянными пуговицами, с которыми проказница любила играть. Ведьме было тяжело надеть на нетерпеливую Авигею сарафан глубоко вишнёвого цвета. Мелкие вол-

нистые оборочки нежно украшали низ юбочки.

Авигея нехотя взяла ложку, но перед этим задержала взгляд на матери, которая подготавливала черные штанишки. Девочка смотрела на Ниру сотни раз, но сегодня почему-то увидела по-новому.

Нира подошла к печи, помешивая что-то в горшке. Её овальное лицо с выразительными скулами уже тронули мелкие морщины, которые были больше признаком бессонницы, нежели возраста. Утратившие былую яркость её зеленые глаза были подобны стоячему болоту. Её красоту дополняли курносый нос, полные губы и изящные дугообразные брови.

— Чего смотришь?

— Так, — Авигея отвела глаза. — Ничего.

— Ты должна поесть, иначе в город не поедem. Ты же не хочешь пропустить праздник?

Внутри домик казался небольшим, но вполне уютным для двоих. Возле окна, укрытая теплым шерстяным одеялом, стояла кровать Ниры, в то время как кровать Авигеи располагалась ближе к другой стене. Между ними стоял небольшой столик, на котором разместились различные склянки и травы, создавая теплую рабочую атмосферу. Стены комнаты были украшены связками трав, а на подоконнике благоухали мята и цветы лаванды.

— Это тебе, — Нира протянула маленькую заколку. — Подарок в честь праздника.

Авигея в тотчас захотела вырвать из рук маленькое сереб-

ряное украшение с темным камнем, но ведьма просчитала шаги любопытной сороки наперёд, сжав кулак и спрятав в нём сокровище.

— Если ты потеряешься или тебе станет плохо, — тихо сказала она, — эта заколка поможет мне найти тебя. Я всегда буду рядом. Только не снимай её, когда мы ходим в город. Запомнила?

Девочка одобрительно кивнула и наконец смогла взять в руки своё первое украшение. За свои шесть лет она могла радоваться только цветочному венку, который собирала Нира, когда уходила в глубь леса.

Прикрепив заколку, дочь выбежала во двор, радостно кружась, ведь впереди её ждал радостный день. Её волосы на солнце стали отражаться каштановым оттенком, будто они никогда не знали холодной тьмы своего цвета.

Нира смотрела на Авигею через окно. Заколка скрывала то, что люди назвали бы «лунной сущностью». Без неё дочь была как открытая рана — слишком заметная и подозрительная. Старая подруга, с которой ведьма переписывалась, помогла зачаровать камень. Хоть магия и могла скрыть внешность девочки, но леденящее душу холодное сияние никакими силами нельзя было разогнать.

Нира вышла из дома неспеша, глядя на запад, куда им и стоило направиться. Девушка вглядывалась в глубь леса, пытаясь остановить поток своих чувств. Протоптанная тропа, едва заметная среди переплетенных корней и травинки, на-

веивала воспоминание о том, кто однажды стер её след из своей жизни, но до сих пор оставался желанным гостем.

Авигея крепко схватила мать за руку, сделав кроткий шаг в сторону лесной тропинки. Нира, вырвавшись из плена воспоминаний, пошла следом за неугомонной дочерью. По пути девочка оглядывалась, будто запоминая каждое старое дерево и зеленую травинку. Дорога их была долгой, и только любопытство Авигеи скрашивало путь.

Через некоторое время впереди стал виден ручей, чья вода переливалась в солнечных лучах. Девочка заметила маленькие темно-зеленые комочки, тихо сидящие в траве. Их зеленые рты забавно раздулись с характерным квакающим звуком и Авигея рассмеялась звонким смехом, отчего испуганные лягушки разом нырнули в прохладную глубину ручейка.

Продолжив путь, девочка попыталась обратить внимание матери:

— Мама, трава... светилась.

— Тебе показалось, милая. Солнце играет. — Нира обернулась, бросив взгляд на землю. — Пошли, нам ещё в город успеть.

Ведьма медленно сглотнула, понимая, что пытается обмануть саму себя. Чем старше становилась дочь, тем страшнее было признаться в своей беспомощности. Сама не зная ответов на вопросы, девушка боялась показаться потерянным ребенком в глазах Авигеи.

Выйдя на большую дорогу, Нира услышала позади тихое постукивание колес.

— Подвезти?

Вздвогнув, ведьма обернулась и разглядела старика с густо-пушистой бородой, которая была похожа на перевитый куст боярышника. Старый, заношенный до дыр тулуп придавал ему вид рабочего человека, отдающего все деньги семье и обделяющего себя самого.

Нира молча взобралась с дочерью в повозку, разместившись на колючем сене. Ведьма нередко пользовалась добротой людей, но сама помощи не просила. Мало кто был готов помочь лесной ведьме из глуши.

Возница покосился, будто оценивал степень опасности, но тронул лошадей.

— А вы, собственно, кто такие будете? Из лесу, видать. А по какому делу в город?

— Едем праздник посмотреть, — Нира прижала Авигею ближе. — Девочку порадовать.

— Живёте где?

— На опушке. Недалеко от старой мельницы.

— Знаю то место, — старик покосился на неё с подозрением. — Лес глухой, одна нечисть.

Авигея высунулась из сена:

— У нас дом хороший! И лягушки есть! А еще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.